

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ —
РЕАЛЬНОСТЬ
СОЦИАЛИЗМА

В. М. МЕЖУЕВ
**Социализм —
пространство
культуры
(Еще раз
о социалистической
идее)***

ной жизни, пусть только духовно вечной, могущей продолжиться в новых поколениях. Оно позво-

Замена непосредственного труда рабочих всеобщим трудом (или наукой) приводит к сокращению рабочего времени, следовательно, к увеличению *свободного времени*, в котором социализм находит свою собственную основу, базу, превращается из идеи в реальность. Свободное время — это время, которое человек тратит на свое образование и развитие, на формирование своих потребностей, способностей и умений, на получение нового знания во всех отраслях деятельности, на активное участие в жизни общества, короче, на производство себя как целостного общественного существа. В этом смысле свободное время не сводится исключительно к досугу и отдыху, но есть время деятельности даже более интенсивной и напряженной, чем труд рабочих. Поэтому людям творческих профессий, у которых все время свободное, его так не хватает. У людей, свободных от любого труда (например, у безработных), нет ни рабочего, ни свободного времени, они вообще выключены из общественного времени и живут только во времени физическом.

Уже для древних греков, считавших себя «свободнорожденными», свободное время обрело значение наиболее ценного и желаемого общественного блага, позволяющего индивиду участвовать в общественной жизни, в обсуждении и решении всех общественно значимых дел. В их представлении свободное время дано человеку для того, чтобы он смог заполнить его поступками и действиями, которые обессмертят его имя, прославят в веках, сохранят в памяти потомков. Это время не физически конечной, а веч-

ляет человеку жить в истории, а не только в ограниченном пространстве его времени. В эпоху Возрождения свободное время получает значение основополагающей гуманистической ценности. Для гуманистов этой эпохи свобода человека тождественна наличию у него свободного времени — свободного от вынужденного труда ради физического выживания, но открытого любому виду творческой деятельности. И для Маркса свободное время — высшее общественное благо, смысл которого как раз и выражен в идее социализма.

Не социализм является, конечно, причиной появления свободного времени. В современном мире оно существует для большинства людей по крайней мере с того момента, когда систематическое применение к производству достижений науки и техники приводит к сокращению рабочего времени. «...По мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники или от применения этой науки к производству»¹. Производство становится все более зависимым не от физического, а от умственного труда, который по определению не может быть измерен

Окончание. Начало в № 3 и 4 за 2006 год.

рабочим временем. Наука не отменяет труд, но качественно его преобразует, сокращая непосредственный труд рабочих, а значит, и время, в течение которого он осуществляется. Экономия рабочего времени — наиболее существенный показатель научно-технического прогресса.

Вопрос в том, однако, как общество распорядится сэкономленным трудом, на что его расходует. Если производство все менее нуждается в рабочей силе, куда, спрашивается, ее девать, как использовать? Существуют, разумеется, разные способы ее перераспределения — перекачка в слабо индустриализированные отрасли производства (например, в сферу услуг), отток в экономически малоосвоенные районы, перепрофилирование с целью овладения более квалифицированными профессиями и пр. Однако нельзя считать экономически нормальным положение, при котором общее количество рабочего времени остается неизменным. Это противоречит экономической логике развития капитала, стремящегося к повышению своей доходности.

Самым простым решением вопроса является, видимо, безработица. Свидетельствуя о наличии избыточной (с точки зрения производства капитала) рабочей силы, она косвенным образом указывает и на другое следствие того же процесса — рост свободного времени. Сокращая рабочее время, капитал «помимо своей воли выступает как орудие создания условия для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к все сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения времени всех членов общества для их собственного развития»². Ибо свободное время, по сути своей, есть время «развития всей полноты производительных сил отдельного человека, а потому также и всего общества»³.

В руках капитала эта суть превращается, правда, в свою противоположность — в прибавочный труд. Поэтому «постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в создании свободного времени,

а с другой стороны — в превращении этого свободного времени в прибавочный труд»⁴. Соответственно и свободное время имеет для него значение только как прибавочное рабочее время. И так будет до тех пор, пока общественное богатство измеряется не свободным, а рабочим временем. «Рабочее время в качестве меры богатства предполагает, что само богатство основано на бедности и что свободное время существует в виде противоположности прибавочному рабочему времени и благодаря этой противоположности, или благодаря полаганию всего времени индивида в качестве рабочего времени и потому благодаря низведению этого индивида до положения только рабочего, благодаря подчинению его игу труда»⁵. Человек для капитала — только рабочий, а свободное время — только время прибавочного труда. Все, что сверх того, капитал просто не интересуется, выносятся им за скобки. Человеку же важно как раз то, что остается за этими скобками, выходит за пределы его рабочего времени и необходимого труда. Но тем же самым интересуется и социализм.

Пока общественное богатство измеряется рабочим временем, свободным для индивида будет время не его общественной (публичной), а частной (приватной) жизни. Только в ней он чувствует себя относительно свободным существом. Это и понятно. В рабочее (или служебное) время люди не выбирают начальников и сослуживцев, подчиняются правилам и инструкциям, которые предписаны им характером труда, организацией производства. Все их действия жестко регламентированы и расписаны по функциям и ролям. В границах рабочего времени труд носит необходимый, но никак не свободный характер. Для многих он — не только источник выживания, но единственно возможная форма их участия в общественной жизни. Разве общественная жизнь большинства людей не ограничена их рабочим временем, которым они не могут распоряжаться по собственному усмотрению? Разве за его пределами — в сфере частной (семейной или личной) жизни — они не чувствуют

себя более свободными, чем на работе? Для многих и сейчас время, проведенное в семейном кругу, среди родных и близких, заполненное домашними делами и заботами, намного предпочтительней времени трудовой деятельности на производстве или на службе. В первом времени мы живем, во втором — только зарабатываем на жизнь. Получается, что общественная жизнь в границах рабочего времени — только средство для частной жизни, что свободными мы чувствуем себя не в обществе, а за его пределами. Но отсюда следует, что общественная и человеческая жизнь во многом еще расходятся между собой, а то и находятся друг с другом во взаимноисключающем отношении. И не так уж неправ был Маркс, сказавший как-то, что в современном обществе человек чувствует себя человеком при исполнении своих животных функций — в еде, питье, процессе размножения и пр., тогда как в обществе он чувствует себя животным.

Как очеловечить общественную жизнь, сделать ее интересной для человека? В конце концов, ведь только в обществе человек становится чем-то большим, чем просто животное. Каким же должно быть это общество? Человеческая сущность общества, как и общественная сущность человека, дает знать о себе в границах именно свободного времени, хотя простое количественное расширение этого времени само по себе еще не решит всей проблемы. Только с того момента, как свободным временем начнут измерять общественное богатство (в смысле, чем его больше у общества, тем оно богаче), наступят, что называется, иные времена. Это и есть момент истины для социализма, единственно возможное доказательство его права на существование.

Наблюдаемый сегодня в экономически развитых странах рост свободного времени как будто опровергает эти ожидания. Следствием его стало, казалось бы, не столько новое качество человеческой личности, сколько усиление потребительской психологии, расцвет идеологии консюмеризма. Само по себе это никак не противоречит ло-

гике капиталистического накопления, стремящегося максимально расширить спрос на товары и услуги. Однако тот же рост влечет за собой и другие последствия — повышение гражданской активности населения, его большее участие в неформальных объединениях и организациях, в различных протестных мероприятиях и общественных движениях. Свободное время — важный фактор укрепления гражданского общества, демократизации публичного пространства посредством вовлечения в него все более широких слоев населения. Подобная активность выходит за рамки чисто экономической необходимости трудиться, служит примером перехода в иное — свободное от власти экономики — пространство общественной жизни. К такому использованию свободного времени и должно быть приковано внимание тех, кого интересует судьба социалистической идеи в современном мире.

Простое расширение свободного времени, если ограничивать его рамками потребления, разумеется, еще не освобождает индивида от экономической необходимости. За все ведь нужно платить, а деньги никому даром не достаются. Свободным в точном смысле слова время становится лишь по мере того, как обретает в структуре человеческой жизнедеятельности значение времени не потребления, а *производства самого человека* как общественно-производящей силы. Но это произойдет лишь тогда, когда прибавочный труд начнет присваиваться не капиталом, а самим рабочими в интересах собственного развития. По словам Маркса, «рабочие массы должны сами присваивать себе свой прибавочный труд. Когда они начнут это делать — и когда тем самым *свободное время* перестанет существовать в *антагонистической* форме, — тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного индивида, а с другой стороны, развитие общественно-производительной силы будет происходить столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, *свободное время* всех возрастет. Ибо действитель-

ным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время»⁶. Присвоение прибавочного труда рабочими в целях собственного развития, освобождая человека от функции простой рабочей силы, превращает его в совершенно «иного субъекта». «Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила, наоборот, воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек»⁷.

В свободное время индивид не выключается из общественного производства, а, наоборот, максимально полно включается в него, но в качестве уже не частичного рабочего, а общественного субъекта, формирующего своим трудом всю сумму своих производительных сил и производственных отношений, т. е. само общество, в котором он живет. Такой труд требует от человека высокого уровня образования и культуры, для чего опять же требуется свободное время. «Свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства»⁸. Возвышение индивида до уровня этого «иного субъекта» и есть единственная надежда и цель социализма. Всеобщий труд, общественная собственность, свободное время — только базовые условия ее достижения. «Происходит свободное развитие индивидуальностей, и потому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п.

развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»⁹.

Мы выписали многочисленные высказывания Маркса о свободном времени с единственной целью: показать место этой проблемы в его представлении о социализме. К сожалению, мимо нее прошли все, кого у нас называли научными коммунистами. Истину социализма они упорно искали не там, где ей надлежит быть, т. е. не в свободном, а в рабочем времени, в сфере экономики, управляемой государством, полагая, видимо, что именно здесь содержится доказательство превосходства социализма над капитализмом и либерализмом. Вера Маркса в способность человека быть чем-то большим, чем только рабочей силой, предстала в их изображении как его уверенность в сохранении за ним этой функции на вечные времена. Но если удел человека быть рабочим, зачем ему социализм? Чтобы получать больше и жить лучше? Капитализм решает эту задачу намного эффективнее любого социализма.

Сведя теорию социализма лишь к идее освобождения наемного труда от власти капитала, мы упустили главное в ней — идею освобождения человека от необходимости самого труда как простого расходования рабочей силы, т. е. его освобождения от необходимости быть рабочим. Лишь перестав быть рабочей силой, можно освободиться от власти капитала — частного или государственного. Превратив необходимый труд в высшую добродетель человека, советская власть возвела капиталистическую эксплуатацию труда в ранг общегосударственной системы управления производством (как того и опасался Маркс). В качестве совокупного капиталиста здесь предстало государство, управляющее производством через своих чиновников, а рабочие так и остались рабочими. За социализм была выдана естественная для любой отсталой страны необходимость ее технической модернизации, которая в условиях России обернулась традиционной для нее мобилизационной эконо-

микой. Не свобода, а политическое насилие стало у нас отличительной чертой «социалистического пути развития». После многих лет такого «развития» можно ли удивляться тому, что само слово «социализм» вызывает у российских граждан идиосинкразию, полное отторжение от социалистической идеи без какого-либо желания вдуматься в ее действительный смысл и содержание.

Подобное отношение к социализму сохранится, видимо, надолго. Но то, что обозначается этим словом, рано или поздно войдет в повестку дня — пусть под другими названиями и словесными обозначениями. Ведь капитализм при всей своей экономической эффективности не дает ответа на основные вызовы современности — прежде всего в сфере экологии и культуры, как нет его и в идеологии неолиберализма. В решении возникающих здесь проблем должны участвовать если не все, то большинство людей планеты, а кем это большинство должно быть в плане интеллектуального, морального и эстетического развития, определяется, очевидно, иными, чем экономические, критериями и расчетами. Когда эти расчеты станут определять социальные проекты и прогнозы, социалистическая идея, пусть и в модифицированном виде, будет вновь востребована обществом.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Обрисованная выше социалистическая перспектива развития плохо согласуется с тем, куда сегодня движется Россия. Переход к рынку и частной собственности — действительно, не социалистические лозунги. По сравнению с абсолютной властью государства над экономикой они, несомненно, представляют собой более высокую ступень развития, но что делать социализму там, где даже эта ступень — только желаемое состояние? Здесь исток той драмы, которую переживают в наши дни люди с социалистическими убеждениями.

Оправданность социалистической идеи видна лучше в контексте все же не нашей,

а европейской цивилизации, критикой которой она и стала в первую очередь. Многие из того, что было позитивным в этой идее, усвоено и реализовано на практике странами этой цивилизации. А вот в странах неевропейских она обрела смысл, далеко разошедшийся с ее подлинным смыслом и содержанием. И тому имеется простое объяснение. В этих странах, не прошедших полного цикла модернизации, не имевших развитого гражданского общества, сильного среднего класса с городской культурой, традицией правового сознания и демократической власти, социализм предстал не в собственном качестве, а как одна из разновидностей модернизационной стратегии, осуществляемой вне рыночными и недемократическими средствами, что называется, «минуя капитализм». Субъектом этой модернизации выступило предельно централизованное государство, опирающееся на традиционную для данных обществ силу авторитарной власти.

В СССР такой силой стали большевики, продолжившие начатое царями дело модернизации (индустриализации) страны. Социализм, который они объявили своей целью, явился для них лишь синонимом мощного государства, обладающего промышленным — прежде всего военным — паритетом с экономически развитыми государствами Запада. В нем видели решение как бы двойной задачи: с одной стороны, мобилизации всех человеческих ресурсов для сокращения технологического отрыва от Запада, с другой — сохранения территориальной целостности страны, ее государственного суверенитета. Ускоренная индустриализация СССР в сочетании с его военной мощью и национальной безопасностью стала подлинным призванием его советской версии. Социалистическая риторика, в которую облекалась подобная стратегия, позволяла избегать участи периферии капиталистической мировой системы, целиком зависящей от ее ядра. И до определенного момента такая стратегия вполне срабатывала, хотя сегодня можно констатировать ее полную неспособность противостоять вызовам современного мира¹⁰. Кри-

зис социализма советского образца — это, прежде всего, кризис данной стратегии, которая имеет мало общего с подлинным смыслом социалистической идеи — с тем, что она реально сулит обществу, к чему призывает. И надо быть совершенно глухим, чтобы не услышать в этом призыве отзвук не старой и давно забытой песни, а того, что сегодня волнует и беспокоит общество.

В сознании большинства социализм традиционно связывался с решением проблемы бедности и социального неравенства. Согласно критерию, идущему еще из XIX века, социализм защищает интересы рабочих — тех, кто живет на заработную плату, образует армию наемных работников. Этот критерий, однако, требует существенной корректировки. Если под интересами рабочих понимать облегчение условий их труда, более высокий уровень заработной платы, нормированный рабочий день с правом на отдых и медицинское обслуживание, сокращение безработицы и пр., то все это давно делается в капиталистических странах профсоюзами, государством и частными фирмами, заинтересованными в квалифицированной, хорошо оплачиваемой и здоровой рабочей силе. Если капиталисты и эксплуатируют рабочих, то расплачиваются с ними ценой более высокой, чем та, которую могут предложить сегодня все социалистические программы. Социализм, собственно, не знает никаких особых путей повышения благосостояния людей, которые были бы неизвестны другим идеологиям и партиям. Он может содействовать им в осуществлении этой задачи, но не в этом состоит его историческое предназначение.

Следует честно признать: капитализму многое удалось, а его критика со стороны традиционно мыслящих коммунистов выглядит подчас излишне предвзятой и не очень убедительной. Будучи оправдана в позапрошлом веке, когда капитализм только становился на ноги, а люди на Западе переживали не лучшие времена, эта критика сейчас во многом устарела, утратила свою силу. Бедность, конечно, не устранена полностью, но

она концентрируется в основном в экономически неразвитых странах. Никто уже всерьез не говорит о нищете рабочих в странах капитала. Проблемы, связанные с уровнем жизни, конечно, остаются (и они всегда будут), но их острота не такова, чтобы ставить человека на грань выживания, заставляя его прибегать к крайним — революционным — методам своей защиты.

Но в одном критика капитализма достигает своей цели: человек и здесь не стал тем, каким хотела видеть его европейская культура с ее гуманистическими установками и ценностями. В чем-то он даже утратил ту степень индивидуальной свободы и личной независимости, какой обладал раньше — в период зарождения буржуазного общества. Данный факт зафиксирован не только социалистической, но всей общественно-философской мыслью XX века. При всех очевидных экономических достижениях капитализма он в конечном счете оказался в резко конфликтном отношении с природой и культурой, что позволило говорить о поразившем его экологическом и духовном кризисе. Сегодня о причинах этого кризиса и способах выхода из него говорят и пишут люди с разными идейными предпочтениями и образом мыслей. Социализм предлагает свое решение этого вопроса, которое, как мне кажется, ближе к истине, чем все остальные. Оно в чем-то, конечно, отличается от того решения, которое предлагалось им раньше — на начальном этапе становления капиталистического общества, но суть остается прежней. Так, речь не идет уже о революционном захвате политической власти. Классовые войны и революции, если кого и вдохновляют сегодня, то лишь крайние в своем радикализме левые группировки, являющиеся политическими маргиналами не только в общественной жизни современного Запада, но и в самом левом движении.

Отказ от революции вносит существенные коррективы в теорию и практику современного социализма. В контексте ведущейся политической борьбы он уже не рассматривает себя как революционную партию, хотя

сохраняет за собой право находиться в оппозиции к власти, коль та расходится с его целями. Такую оппозицию можно назвать парламентской, и она предполагает сугубо мирный — демократический — путь прихода к власти. Социализм в своей зрелой фазе обретает характер не революционного, а эволюционного движения, т. е. постепенно осуществляемой реформы, причем не столько экономической или политической, сколько прежде всего культурной¹¹.

Вопрос о связи социализма с революцией имеет особое значение применительно именно к российской истории. Если европейская социал-демократия достаточно быстро встала на путь парламентаризма, то его российская ветвь так и не вышла из-под влияния отечественной традиции революционного демократизма с его неприятием либеральных ценностей и правового государства. Наиболее ярким примером такого демократизма стали народники. Хотя впоследствии народничество и осуждалось российской социал-демократией, для его наиболее радикальной — большевистской — части оно осталось образцом революционного героизма и подвижничества. Те, кто вместе с Лениным создавали РСДРП, отмечали огромное влияние на него не только марксизма, но и русских революционных демократов первой волны (от Чернышевского до Ткачева и Нечаева). Большевики, в сущности, — те же революционные демократы, свято верящие в возможность построения социализма исключительно революционным путем.

Допущенная ими ошибка очевидна: методы революционной борьбы за демократию они перенесли на социализм, который требует для себя совершенно иных подходов. Если борьба с деспотизмом и тиранией за установление демократии действительно выливается часто в революцию, то переход к социализму осуществляется исключительно демократическим путем, поскольку требует прежде всего изменений в культурной сфере. Революционным насилием здесь ничего не решишь, а избежать его можно, лишь признав, с одной стороны, человеческие пра-

ва и свободы, которые отстаиваются либерализмом, а с другой — отказавшись от социального утопизма, требующего немедленной отмены частной собственности и рынка. По этому пути и пошла европейская социал-демократия. Предложенная Лениным новая экономическая политика, казалось бы, также свидетельствовала о сдвиге в эту сторону. Но надежда оказалась преждевременной: чуть позже революционные методы «построения социализма в одной стране» (одна коллективизация чего стоит) опять взяли верх.

Отказ от революции не означает, как иногда думают, отказа от социализма. Его целью, как и раньше, является бесклассовое общество, в котором каждый имеет равные права и реальные возможности для своего полного развития. Переход к нему в любом случае предполагает *соединение труда с собственностью*, которое, однако, нельзя мыслить как насильственное, т. е. выходящее за рамки права, перераспределение общественного богатства, будь то конфискация, экспроприация или национализация частного имущества. Но как иначе можно соединить труд с собственностью? Существуют ли ненасильственные, сугубо правовые формы такого соединения? Ответ на этот вопрос и отличает современную — демократическую или социал-демократическую — версию социализма от его революционной версии.

В общей форме этот ответ сводится к следующему: переход к социализму означает изменение не правовой нормы, а ее фактического содержания. Он является следствием не волевого (политического) решения, а естественного процесса развития самого производства до уровня научного. В ходе этого развития частная собственность не отменяется, а постепенно наполняется новым содержанием: она все больше включает в себя собственность не только на имущество или рабочую силу, но и на знание, на всю культуру в целом, что в итоге и превращает ее в общественную собственность.

Переход к общественной собственности является с этой точки зрения прямым след-

ствием замены в процессе производства физического труда умственным. Надежду на такой переход нельзя назвать утопической: она подтверждается всем тем, что сегодня реально происходит в производственном процессе. На наших глазах рождается новый тип производительного работника, оперирующего не механическими орудиями труда, а сложной вычислительной техникой. Местом его работы является не заводской цех, а конструкторское бюро, научная лаборатория, проектная мастерская или аналитическая служба, занимающие в техноструктуре современного производства все большее место. Профессиональной характеристикой такого работника является его способность генерировать новое знание, внедрять в производство новые образцы, поставлять информацию, повышать конкурентоспособность предприятия на рынке. В каком-то смысле его можно назвать специалистом по инновациям.

В лице такого работника мы также имеем дело с классом, но уже иным, чем класс промышленных рабочих. Занимая промежуточное положение между рабочими и работодателями — владельцами капиталов, он потому и называется новым средним классом. Источником его дохода является не рабочая сила, а полученное образование, которое затем становится для него средством производства нового знания. Хотя данный класс также включен в производственный процесс (прямо или косвенно), его уже нельзя считать экономическим классом в обычном смысле этого слова. Принадлежность к нему определяется во многом внеэкономическими факторами. И в производство он входит со своим особым капиталом, который в отличие от экономического — овеществленного и денежного — капитала можно назвать культурным. Реальным его воплощением является сам человек — его знания, умения, творческие навыки. Вот этот-то капитал, даваемый образованием и воспитанием, постепенно обретает в процессе производства значение основного капитала, способного конкурировать с промышленным и торговым

капиталом за приоритетное место и влияние в обществе.

Культурный капитал в отличие от любого другого функционирует в процессе производства исключительно как собственность самого работника. Он принадлежит ему в той же мере, в какой рабочему принадлежит его рабочая сила (рабочий ведь в любом случае является собственником своей рабочей силы). В отличие, однако, от рабочей силы культурный капитал дается человеку не природой, а обществом — в процессе образования и воспитания. Культура может, конечно, принадлежать и частному лицу (в виде, например, частной коллекции), но в функции уже не производительного капитала (средства производства), а всего лишь предмета потребления. Как средство производства она может быть собственностью только самого производителя. Разве можно отделить от него используемое им в процессе производства научное знание? Короче, чтобы работать, индивид по современным понятиям должен быть образованным человеком, что с экономической точки зрения означает наличие у него собственности на знание, полученное в процессе образования (подобно тому, как он обладает собственностью на свою рабочую силу). Само образование может быть товаром, оплачиваемой услугой, но знание, даваемое им, неотчуждаемо от получившего образование человека, может функционировать в процессе производства как только ему принадлежащий капитал. Поскольку такой капитал является не природным, а общественным даром, создается всеобщим трудом, собственность на него также должна рано или поздно обрести характер общественной собственности. Традиционное для социализма требование соединения труда с собственностью означает тем самым не просто передачу фабрик и заводов в руки трудовых коллективов и тем более государства, а превращение всего общественно созданного культурного богатства (прежде всего, науки) в собственность каждого.

Людей, владеющих этим богатством, принято называть классом интеллектуальных

собственников, или новым средним классом. В них как бы соединено то, что свойственно и рабочему классу, и классу частных собственников, т. е. труд и собственность. В своем большинстве они потому и тяготеют — сознательно или бессознательно — к социал-демократической идеологии, исповедующей такое соединение. Своим влиянием в обществе эта идеология обязана, следовательно, не столько усиливающейся бедности рабочего класса (что практически не наблюдается в странах Запада), сколько возрастающей роли людей умственного труда. Многие западные социологи уже сейчас называют западное общество обществом среднего класса.

На подобный социальный сдвиг по-своему реагируют и современные теоретики либерализма, пытаясь, например, по-новому истолковать принцип социальной справедливости. По словам американского философа-неолиберала Майкла Сэндела, либерализм — «это, прежде всего, теория приоритета справедливости над другими моральными и политическими идеалами». Известный теоретик в этой области Джон Роулз, автор знаменитой «Теории справедливости», также рассуждает о справедливости с либеральных позиций. Современный социализм, к сожалению, не располагает пока столь же фундаментальным исследованием этого принципа, но, во всяком случае, не отвергая защищаемого либерализмом права человека на личное благополучие и счастье, он дополняет его *правом на культуру*, без которого все остальные права повисают в воздухе, оборачиваются фактическим неравенством.

Сферой реализации этого права как раз и является свободное время. Давая простор общественной активности людей, оно делает мерой этой активности уровень их сознательности и культуры. С расширением границ свободного времени и его общественным присвоением потребность в культуре становится главной человеческой потребностью, а ее удовлетворение — смыслом и целью общественного развития. Возможно, это и есть социальная справедливость. Во всяком слу-

чае, именно к такому ее пониманию тяготеет социалистическая мысль. Либерализм ищет справедливость в относительном равенстве доходов (абсолютного равенства здесь просто не может быть), социализм — в культурном равенстве людей, основанном на праве каждого владеть всем богатством культуры. И пусть каждый решит для себя, какое из этих равенств делает его более свободным.

Скажут, образованные люди также нуждаются в деньгах, которые в большинстве своем они могут заработать, поступая на службу к частному капиталу (или государству). И какой тогда толк от их собственности на культурный капитал? От кого или от чего она освобождает? Чем образованный человек отличается по своему экономическому положению от наемного рабочего? Все это, конечно, так, но тут-то и заключено основное противоречие рыночной экономики, которое рано или поздно станет главным препятствием на ее пути. Ведь культурный капитал имеет своим истоком не абстрактный, а всеобщий (общественный) труд. Абстрактный труд рабочего создает товарную стоимость, измеряемую денежной ценой, всеобщий труд ученого и художника — культурную ценность в виде научного знания или художественного произведения. Знания и произведения искусства могут стать товаром, но это никак не соотносится с их общественным (всеобщим) предназначением. Ими можно торговать, но никакая торговля сама по себе не родит гения, способного их создавать. От человека здесь требуется нечто иное, чем просто механическое воспроизведение готового образца. Культурную ценность нельзя измерить рабочим временем, а ее создание порой требует от человека всей его жизни. Время ее создания потому и называют свободным.

В условиях рыночной экономики люди науки и искусства выживали до сих пор либо путем прямой продажи своей продукции («не продается вдохновение, но можно рукопись продать»), либо поступая на службу к частному лицу, за счет его доходов. В этом

случае они, конечно, никак не влияли на рыночную экономику, полностью зависели от нее. Но с того момента, как наука обретает значение основного капитала, она начинает диктовать производству иную логику развития. С этого момента, как писал Маркс, «рухнет производство, основанное на меновой стоимости». «...Непосредственный труд и его количество исчезают в качестве определяющего принципа производства, созидания потребительных стоимостей; и если с количественной стороны непосредственный труд сводится к менее значительной доле, то качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания...»¹²

Правда, наука, используемая частным капиталом в интересах собственного расширенного воспроизводства, сама по себе не отменяет необходимости существования физического (непосредственного) труда; она лишь усиливает его отрыв от труда умственного. Ибо с превращением науки в производительную силу капитала «одновременно происходит отделение науки... примененной к производству от непосредственного труда...»¹³. Если «на прежних ступенях производства ограниченный объем знаний и опыта был непосредственно связан с самим трудом, не развивался в качестве отделенной от него самостоятельной силы»¹⁴, то в качестве «самостоятельной силы» наука основывается на «отделении духовных потенций этого производства от знаний, сведений и умения отдельного рабочего»¹⁵, «совпадает с подавлением всякого умственного развития в ходе этого процесса»¹⁶. Труд рабочих интеллектуально обесценивается, сводясь к простой затрате физической силы. «Правда, — замечает Маркс, — при этом образуется небольшая группа работников более высокой квалификации, однако их число не идет ни в какое сравнение с массой «лишенных знаний»... рабочих»¹⁷. Да и научная деятельность в этих условиях становится излишне технизированной и специализированной,

подпадая под действие все того же разделения труда

Прогрессирующую интеллектуальную деградацию работников физического труда можно предотвратить лишь путем сокращения рабочего времени и присвоения высвободившегося времени самими рабочими в качестве времени их собственного развития. Но тем самым наука из производительной силы капитала превращается — посредством всеобщего образования — в общественную силу человека, освобождающую его от функции рабочей силы и, следовательно, от власти капитала. «В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы (*т. е. науки. — В. М.*), его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида»¹⁸.

Ничего другого социализм и не предлагает. В конечном счете он означает всего лишь максимально возможное на данный момент расширение «пространства свободы», позволяющее индивиду жить в соответствии со своей природой. Этим вовсе не устраняется сфера необходимости. В любом обществе человек будет вынужден зарабатывать на жизнь, и, думаю, никакой социализм не освободит его от этого. Однако зарабатывать можно по-разному — посредством принудительного, бездумного и малопривлекательного труда, не требующего ничего, кроме физических усилий, и труда, интеллектуально насыщенного, творчески одухотворенного, доставляющего моральное и эстетическое удовлетворение. Такой труд в современном производстве и выше ценится, и лучше оплачивается. По существу, он и есть эквивалент человеческой свободы. Многим ли он доступен сегодня? Каждый знает, что нет, и по причинам часто, от человека не зависящим. А раз так, то рано говорить и о равенстве. Сократить необходимый труд до мини-

му, а свободный труд сделать достоянием как можно большего числа людей, дать им возможность не только хорошо зарабатывать (что, конечно, тоже немало), но и получать от работы творческое удовлетворение, короче, снести в человеческой жизни границу между «иметь» и «быть» — вот программа, которую предлагает социализм. И никакая это не утопия, а констатация того, что поставлено на повестку дня развитием современного производства.

Скажут, движение к равенству и свободе — процесс бесконечный. Но социализм и не предлагает законченной модели будущего общества, где все устроено к всеобщему благополучию. Он лишь переориентирует общество на иные цели развития — более гуманные, чем предыдущие. В подобной переориентации важен не столько конечный результат, сколько общая перспектива движения. В споре об этой перспективе у социализма есть все шансы выдержать конкуренцию с другими направлениями общественной мысли. А то, что предлагается им, в ряде случаев поразительно совпадает с видением будущего представителями других идейных течений.

Сошлемся, к примеру, на книгу христиански мыслящего немецкого философа П. Козловски «Культура постмодерна». «Общество постмодерна, — пишет он, — это творческое общество, общество формирующей культуры»¹⁹. Один из параграфов его книги так и называется «Конец общества труда — начало общества культуры?». Совершенно безосновательно относя Маркса к числу мыслителей, проповедовавших нетрудовой образ жизни, Козловски вполне в духе марксовых пожеланий пишет: «Освобождение человека от принуждения к физическому труду, достигаемое благодаря рационализации производства и организации труда, является новым шансом для самоосуществления человека. Разумеется, этот шанс менее всего связан с избавлением от труда, он состоит в избавлении от принудительного физического труда ради обретения свободы творческого труда»²⁰. И далее: «С увеличением доли свободного времени и пауз на по-

лучение образования искусство, игра, наука и духовность, все богатства культуры займут значительное место в нашей жизни. Это дает особый шанс для философии и религии. Такое развитие могло бы означать конец модерна как общества, которое первоначально определено экономикой, и возврат к обществу, определяемому развитием религиозных, духовных и художественных его параметров. Без труда и экономики такое общество не могло бы жить, но труд в нем обретает духовную и игровую форму. Культура, философия и религия выполняют функции смысловой ориентации человека, насколько он не теряется в мире чистого потребления. Когда ослабевает давление проблем производства, тогда свободное время направлено на становление культуры и духовности. Таким образом, еще предстоит наступление часа культуры, философии и религии»²¹. За исключением акцентирования роли религии в обществе постмодерна все остальное вполне вписывается в марксистский прогноз будущего.

Что же в конечном счете социализм предлагает современному обществу? Не отрицая необходимости подъема благосостояния всех слоев населения, он берет под защиту социальные права человека — его право на труд, жилище, медицинское обслуживание и пр., особо выделяя среди них право на образование. Последнее занимает в предлагаемой им программе социального преобразования примерно то же место, что право собственности в либеральной идеологии. Ведь образование по-своему решает проблему собственности. Разве знание, полученное человеком в процессе образования, в качестве объекта собственности значит для него меньше, чем его рабочая сила? Во всяком случае, собственность на знание позволяет хоть как-то компенсировать неравенство в отношениях собственности, как они складываются на рынке. Пускай не всем принадлежат фабрики и заводы, бесплатное, равное и доступное всем образование сделает людей равными друг другу в обладании культурным капиталом. Это и есть единст-

венно возможный путь к фактическому равенству. Он означает превращение умственного труда не только в высокооплачиваемый, но и основной труд большинства населения. Изменение характера труда влечет за собой изменение формы собственности, а вместе с ней всей общественной системы, в которой тон будут задавать уже не деньги, а знания, ум и талант. Основу ее составит уже не труд людей в рабочее время, а их деятельность в свободное время, требующая предельно демократизированной системы образования и информационного обеспечения. К созданию такой системы и должно быть приковано основное внимание политиков с социалистической ориентацией.

У многих, наверное, возникнет недоуменный вопрос: и это все? Неужели социализм сводится к такой малости — демократизации сферы образования? Но в этой малости — вся суть общественного развития в современную эпоху. Ее главной особенностью, по мнению многих современных исследователей, является перенос центра тяжести из экономической (рыночной) сферы в сферу культуры, переход к постэкономической, или внеэкономической, общественной формации. Общество, в котором образование, культура приобретают приоритетный по отношению к другим областям характер, не является уже, строго говоря, капиталистическим. Его называют постиндустриальным, информационным и пр., но нельзя не заметить его сходства с тем, к чему всегда призывала социалистическая идея — переводом всего цивилизационного движения на рельсы культуры. Недаром слово «культура» стало главным словом XX века, а сама она — предметом преимущественного интереса со стороны общественных и гуманитарных наук, что позволило говорить о происшедшем в них культурологическом повороте. Именно в культуре ищут сегодня ответ на насущные вопросы современной жизни, ставя в зависимость от нее все, что происходит в экономике и политике. Преимущественная роль культуры в общественном развитии и была изначально зафиксирована в социалистиче-

ской идее. Сам социализм предстал в ней как пространство культуры, вовлекаясь в которое (через систему образования) человек только и может обрести новую жизнь, стать человеком в полном смысле этого слова.

Мы изложили здесь концепцию социализма, во многом отличающуюся от той, которую под видом марксистской преподавали у нас в советские времена и которая и сейчас еще для многих является его единственно правильной и окончательной версией. О сути и смысле социализма его противники и сторонники предпочитают до сих пор судить либо по учебникам, написанным в Советском Союзе, либо по личным воспоминаниям и впечатлениям. Ни то, ни другое отношение к социализму нельзя считать, однако, подлинно научным. Как бы ни относиться к социалистической идее — считать ее полностью устаревшей или в чем-то провидческой — важно, хотя бы в целях восстановления исторической правды и справедливости, максимально приблизить ее к первоисточнику, очистить от идеологических наслоений и привнесений советского периода. В конце концов, это нужно не идее, а нам самим, если мы хотим освободиться от ложных иллюзий относительно того, в каком обществе жили, почему оно было именно таким, а не другим. Ведь неправильно поставленный диагноз влечет за собой и невылеченную болезнь: в этом случае, даже выбросив идею социализма из головы, свалив на нее все грехи прошлого, мы можем легко оказаться в том же месте, где были и раньше.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 213.

² Там же. С. 217.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 221.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 214.

¹⁰ Разумеется, что-то от подлинного социализма существовало и в СССР. Недаром этот

период в нашей истории многие оценивают как социально более справедливый, чем нынешний. Нельзя объяснять подобную оценку одними лишь идеологическими предпочтениями, она во многом продиктована вполне искренними чувствами и настроениями людей. И все же негатив в практике «реального социализма» явно перевешивал позитив, заставляя судить о сути и смысле социализма с ложных позиций.

¹¹ Даже Ленин к концу жизни пришел к выводу, что перейти к социализму нельзя посредством одной лишь политической революции, что для такого перехода необходима еще и культурная революция. Слово «революция»

сохраняется и здесь, но уже в ином — не политическом, а культурном контексте.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 207-208.

¹³ Там же. Т. 47. С. 554.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 555.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Т. 46. Ч. 2. С. 213-214.

¹⁹ Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 183.

²⁰ Там же. С. 150.

²¹ Там же. С. 153.